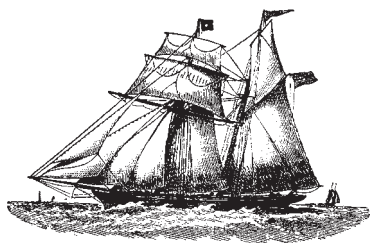

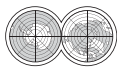
ВАЛЕРИАН АЛЬБАНОВ

НА ЮГ, К ЗЕМЛЕ

ФРАНЦА-ИОСИФА!

2007 - 2008

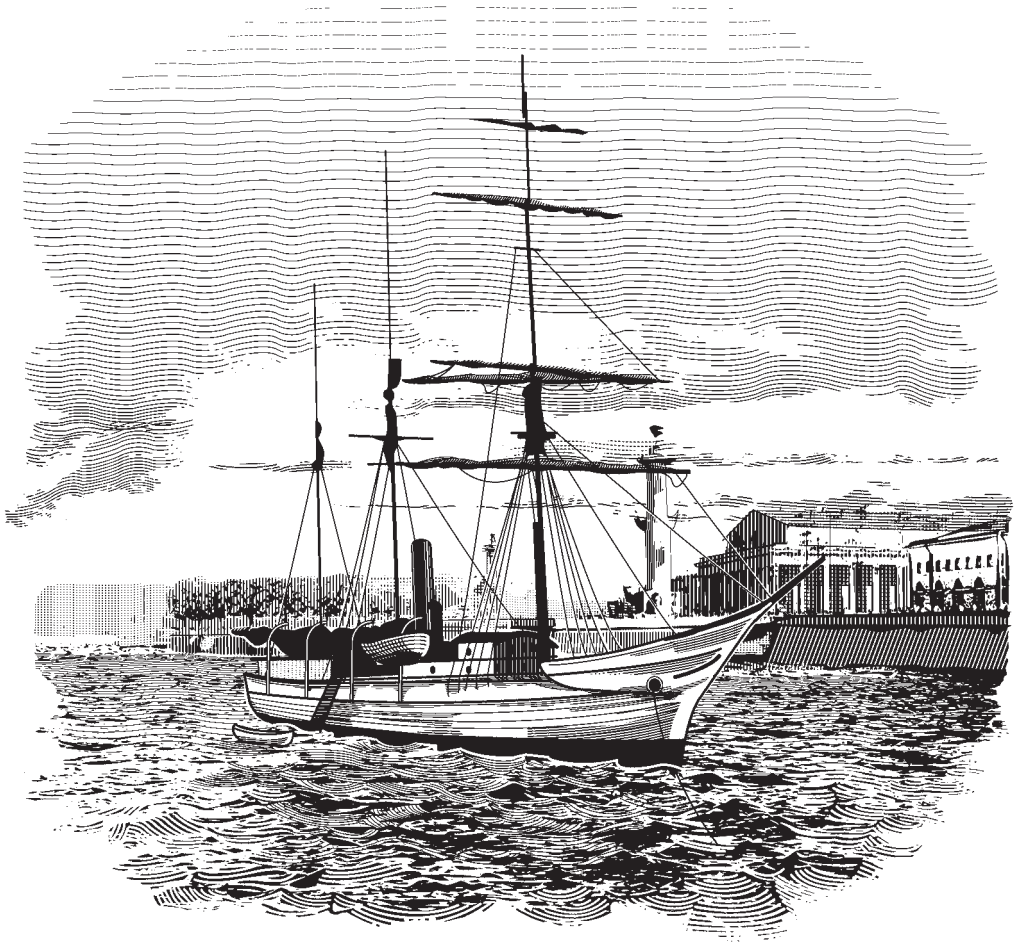

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПОЛЯРНЫЙ ГОД

Paulsen

Москва, 2007 г.

Глава I
СБОРЫ В САННУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ

К своему путешествию я начал готовиться 10 января 1914 года. Работы было много. Надо было сделать семь каяков, семь нарт, сшить или исправить одежду сапоги, готовить провизию и пр. и пр. Неимение с собой необходимого материала и даже некоторых инструментов сильно осложняло дело. Для каяков и нарт приходилось выбирать лес далеко не доброкачественный, пилить его, делать медные заклепки и даже инструменты. Кроме заклепок, все соединения каяков скреплялись бензелями и весь остов оплетался сеткой из тонкой, но крепкой бечевки. Когда остов был готов, его обшивали парусиной, на что пошли запасные паруса. Все эти работы производились в трюме на холоде до 30° R при свете жировых светилен, от которых было больше копти, чем света. В большинстве случаев работать приходилось, несмотря на страшный холод, голыми руками, так как сама работа была мелкая, кропотливая, руки поминутно стыли, и мы их отогревали над «коптилками». В особенности мучительна на холоду была клепка остовов и обшивание их парусиной, когда холодная парусная игла, как раскаленное железо, оставляла волдыри на кончиках пальцев. Даже самые парусные иглы приходилось делать самим, и в конце концов в этой отрасли мы достигли почти искусства. Игла получалась крепкая, чистая, красивая, которую трудно было даже отличить от покупной. Мало-помалу трюм наш стал наполняться остовами каяков и нартами; оживление там царило с раннего утра и до поздней ночи, все были настроены бодро, шутили и пели песни. Каждый каяк первоначально рассчитывался на двух человек, не считая поклажи. Каждый давал своему каяку название: тут были

«Чайка», «Нырок», «Пунога», «Чирок», «Глупыш» и пр. Некоторое затруднение встретилось при окраске, так как в трюме на холоду красить было нельзя. Тогда был снят световой люк на юте, и через него все каяки по очереди были опущены в нижнюю кухню, где и были окрашены. С неделю в кухне можно было ходить только сильно согнувшись, почти на четвереньках. В марте месяце у носа судна образовалась во льду трещина, которая скоро расширилась до двух сажен. В этой полынье была произведена проба всех каяков, оказавшаяся очень удовлетворительной. Каяки были поместительны и устойчивы. Конечно, материал для каяков был далеко не удовлетворительный и не такой, какой был бы желателен, а какой имелся налицо. Для продольных реек каяков употребляли ободранную обшивку потолка из палубной кают-компания. Это была старая, пересохшая ель, от которой, конечно, нельзя было ожидать особенной гибкости и упругости. На «шпангоуты» каяков большею частью пошли обручи с бочек, и только часть их была сделана из снятых с мачт и распиленных вдоль деревянных ракс. Поэтому-то и приходилось остовы каяков оплетать сеткой, чтобы придать им большую прочность. С материалом для нарт дело было еще хуже. На полозья употребили столешницу от буфетного стола. Столешница эта была хотя и березовая, но тоже достаточно старая и хрупкая. Многие полозья из этой столешницы полопались еще при загибании, почему пришлось часть полозьев сделать из ясеневых весел. При выборе материала для каяков и нарт несколько раз у меня были столкновения с Еоргием Львовичем, столкновения дикие, о которых мне и сейчас неприятно вспоминать. Почему-то он был уверен, что путь нам предстоит небольшой, несерьезный.

Не раз он говорил мне, что пройдет не более пяти-шести дней нашего пути, как мы уже будем в виду берегов Земли Франца-Иосифа.

Наши заботы о прочности нарт и каяков он считал чрезмерными. Он даже долго отстаивал свою мысль, что для предстоящего пути не следует нам делать легких парусиновых каяков, а надо взять с собой обыкновенную промысловую тяжелую шлюпку В доказательство он ссылался на экспедицию лейтенанта Де Лонга.

Не скажучтобы и я смотрел на свой предстоящий поход так оптимистически. Правда, я не ожидал тогда такого тяжелого пути, какой

был на самом деле, но около месяца пути я ожидал. Путь с тяжелой шлюпкой, поставленной на нарты, в которую к тому же придется наложить всякого груза около 60 пудов, я считал невозможным. Мы тогда не были даже уверены в своем месте, где мы находимся и где мы должны встретить землю. На судне у нас не было карты Земли Франца-Иосифа. Для нанесения своего дрейфа мы пользовались самодельной географической сеткой, на которую я нанес увеличенную карточку этой земли, приложенную к описанию путешествия Нансена. Про эту предварительную карточку сам Нансен говорит, что не придает ей серьезного значения, а помещает ее только для того, чтобы дать понятие об архипелаге Земля Франца-Иосифа. Мыс Флигели на нашей карте находился на широте $82^{\circ}12'$. К северу от этого мыса у нас была нанесена большая Земля Петермана, а на северо-запад – Земля короля Оскара. Каково же было наше недоумение, когда астрономические определения марта и первых чисел апреля давали наши места как раз на этих сушах и в то же время только бесконечные ледяные поля по-старому окружали нас. Ничто не указывало на присутствие близкой земли, даже медведи, которых за прошлый год мы убили 47 штук, в этом году не показывались. Не видно было обычных в прошлом году полыней и «разводьев», нигде не видно было и так называемого «водяного неба», указывающего на присутствие этих полыней за горизонтом. Бризонт был ясный, лед медленно, спокойно совершал свой путь и все предвещало нам долгую трудную дорогу по торошенному льду с глубоким снегом.

Правда, в январе месяце, когда южная часть неба только что начала розоветь, многие из нас и я сам видели на этом розовом фоне неба нечто похожее на землю, должно быть, очень отдаленную. Видно ее было в течение нескольких часов; глубина в это время резко уменьшилась, а около судна бегало много песцов. Это мог быть мыс Флигели на Земле кронпринца Рудольфа. Но с тех пор прошло уже много времени, нас отнесло далеко и продолжало относить все дальше.

Надеясь увидеть где-нибудь хотя отдаленную землю, я перед уходом с судна, когда наступили ясные солнечные дни, часто лазил в обсервационную бочку укрепленную на грот-мачте на высоте 80 футов; но напрасно я всматривался в горизонт: нигде не мог заметить ничего, кроме бесконечных торосов. Зато торосов было много: горизонт на

юге, куда предстояло нам отправиться, в сильную подозрную трубу представлялся в виде сплошного частокола, через который, казалось, и не продерешься с нашей поклажей более чем в шестьдесят пудов. Но, конечно, это только казалось издали, на самом же деле проход был, пробраться было можно, но каковы были эти проходы и какова вообще была вся дорога, это мы узнали только впоследствии. В то же время мы предполагали проходить в день не менее 10 верст.

В тихую ясную погоду приятно посидеть в обсервационной бочке на высокой мачте. Чуть слышно шепчет ветерок в снастях, покрытых серебристым пушистым инеем. Как в белом одеянии, лежит и спит красавица «Св. Анна», убранный прихотливой рукой мороза и по самый планширь засыпанная снегом. Временами гирлянды инея срываются с такелажа и с тихим шуршанием, как цветы, осыпаются вниз на спящую. С высоты судно кажется уже и длиннее. Стройный, высокий, правильный рангоут его кажется еще выше, еще тоньше. Как светящиеся лучи бежит далеко вниз заиндевевший стальной такелаж, словно освещая заснувшую «Св. Анну». Полтора года уже спокойно спит она на своем ледяном ложе. Суждено ли тебе и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы в одно прекрасное утро незаметно вместе с ложем твоим, на котором ты почил далеко в Карском море у берегов Ямала, очутиться где-нибудь между Шпицбергенем и Френландией? Проснешься ли ты тогда, спокойно сойдешь с своего ложа, ковра-самолета, на родную тебе стихию-воду расправишь широкие белые крылья свои и радостно полетишь по глубокому морю на далекий теплый юг из царства смерти к жизни, где залечат твои раны, и все пережитое тобою на далеком севере будет казаться только тяжелым сном?

Или в холодную, бурную, полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звезд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа; с грохотом полетят вниз твои мачты, стеньги и реи, ломаясь сами и ломая все на палубе?

В предсмертных конвульсиях затрепач, ломаясь, все суставы твои и через некоторое время лишь кучи бесформенных обломков да лишний свежий ледяной холм укажут твою могилу. Вьюга будет петь над

тобой погребальную песню и скоро запорошит свежим снегом место катастрофы. А у ближайших ропаков кучка людей в темноте будет в отчаянии спасать что можно из своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды...

Да, любопытно, что-то ждет тебя, «Св. Анна»? А пока ты еще хороша! Пусть там, внутри тебя, уже началось разрушение, но оно незначительно пока. Это даже нельзя назвать разрушением. С болью в сердце отрывается каждая доска от бесчисленных переборок твоих. Кучка людей все теснее и теснее сбивается в глубине твоего трюма, отчаянно отбиваясь от беспощадной суровой стихии. Одна забота у них: как можно дольше растянуть провизию.

Прошла вторая суровая зима. Нет больше бесконечных полярных ночей, нет темноты. С каждым днем солнце дольше и дольше остается над горизонтом, с каждым днем оно сильнее согревает, с каждым днем крепнут надежды у этой кучки людей, борющихся за жизнь. С утра до вечера хлопотливо бегают они от судна к каким-то странным повозочкам, стоящим около него в ряд, что-то прилаживают, что-то подгоняют. Если присмотреться внимательно, то эти повозочки, оказывается, состоят из двух частей: длинных, узких саней-нарт, на высоких копылах, на которых плотно, на подушках, установлены легкие парусиновые каяки, лодочки. Эти каяки служат кузовами повозочек. Каяки окрашены в черный цвет, что придает несколько мрачный вид им, и только боковые парусиновые «полки», которые плотно облегают каяки, несколько оживляют вид. Эти «полки» пришнурованы нижними сторонами к нащепам нарт, а верхними сторонами стянуты между собой поверх каяка так, что с одной стороны они крепко прижимают каяк к подушкам нарт, а с другой – защищают борта каяков от ударов о выступы ледяных глыб.

Все озабочены, все заняты. Остающаяся команда тоже принимает деятельное участие в наших сборах: кто портняжничает, кто сапожничает, а кто готовит и упаковывает провизию. Денисов, наш милейший гарпунер-китобой, волнуется и хлопочет больше всех, хотя он остается на судне. Егорий Львович, Ерминия Александровна и Шленский заняты другим делом: они едят. Боже мой! Что они едят с утра до вечера вот уже целую неделю? Мне иногда становится страшно, каких размеров, какого веса дадут они нам почту от-

сюда в тот далекий мир, от которого мы так давно отрезаны, в тот мир, где люди живут и настоящим, а не только прошедшим и будущим, как у нас на «Св. Анне». Но, к моему удивлению, почта оказалась очень невелика, не более 5 фунтов.

Провизия наша не отличалась особенным разнообразием. Сухари перед упаковкой были второй раз тщательно просушены. Паковались они в двадцатифунтовые мешки, которые зашивались. Взяли мы с собой одну из трех, имевшихся на «Св. Анне», палаток. Палатка эта была большая, круглая и сравнительно с нансеновской, очень тяжелая: около полутора пудов. Впоследствии, когда она намокла и намерзла, с нею было очень много возни и ей не суждено было уцелеть до Земли Франца-Иосифа. Но, во всяком случае, в первой половине путешествия она нам оказала неоценимые услуги, защищая от холода и от вьюги. Без нее нам было бы очень плохо. Из оружия мы взяли с собой: 2 магазинки, 3 промысловые норвежские винтовки, 1 двустволку-дробовик и 2 гарпуна, патронов разных – около 3 пудов. Если сюда еще прибавить теплую одежду топоры, инструменты, посуду лыжи, починочный материал и пр., то выйдет, что, не считая веса каяков и самих нарт, нам предстояло тащить груза до 65 пудов.

Первоначально мы предполагали тащить каждые нарты по два человека. У каждого человека была своя ляжка, сшитая из парусины, к которой прикреплена была манильская веревка. Ляжку надевали наискось на грудь через плечо, а веревку привязывали за последний или предпоследний задний копыл нарты так, чтобы тянувший приходился у форштевня каяка и одной рукой мог поддерживать каяк у форштевня, направляя в то же время нарту куда надо, а другой рукой опирался бы на лыжную палку. Один становился по правую сторону каяка, а другой по левую. Конечно, так идти было бы очень удобно, если бы наш путь не был изрезан сплошь торосами, и если бы мы в снегу не увязали выше колен. Но, увы, мы очень скоро убедились, что такой способ передвижения на практике невозможен. Много, очень много времени прошло до тех пор, пока мы были в силах идти так, т. е. таща каждые нарты по два человека.

Как я уже говорил, на «Св. Анне» не было нужных нам теперь карт. Пришлось их изготовить, пользуясь все той же картой Нансе-

на. Не было у нас никакой специальной литературы, кроме Нансена и одной книги Колчака «Льды Карского и Сибирского морей». Хотя перед отправлением нашим в экспедицию Егорий Львович купил за несколько сот рублей небольшую библиотечку но там были романы, повести, рассказы, старые журналы, но ни одной нужной нам книги. Немудрено, что все наши сведения о Земле Франца-Иосифа были почерпнуты только у Нансена. Знали мы, что почти двадцать лет тому назад через этот архипелаг прошли Нансен с Иогансеном, что они перезимовали в очень мрачной хижине на острове, который называли островом Джексона, что на следующий год на острове Нортбрук, на мысе Флора, они встретились с Джексонсом, который, кажется, очень недурно там устроился и провел несколько зим. Знали, что когда-то на этом мысе были хорошие постройки, но был ли там кто-нибудь после Джексона, уцелели ли там его постройки, был ли там оставлен склад провизии, этого мы ничего не знали. Помнили, что Нансен хвалит охоту на этом мысе и вообще на Земле Франца-Иосифа, ожидали там встретить таких моржей, которых хоть палкой бей по морде, а они не хотят проснуться; одним словом, мы знали то, что можно было узнать из краткого описания путешествия Нансена, которое было у нас. Зато эта книжка была у меня настольной. Я ее прочел несколько раз и многие места знал наизусть. Но мало того, так как эта книжка могла пригодиться на «Св. Анне», а взять ее с собой я не мог то из нее у меня были переписаны в записную книжку те места, в которых Нансен описывает свой путь по этой земле, различные приметные места, по которым я мог бы ориентироваться. Конечно, это мне пригодилось бы, если бы я попал на путь Нансена. В ту же записную книжку у меня были записаны склонения солнца и уравнения времени на полтора года. Так как на судне у нас не было Наутикаль-Альманаха на 1914 год, то эти выборки мы сделали из одного специального английского издания, случайно оказавшегося в куче различных лоций и старых карт, купленных вместе с судном у прежнего владельца. Но ведь с Земли Франца-Иосифа нам предстоял еще путь к Шпицбергену. Насчет этой земли наши познания были еще слабее. В том английском издании, откуда выбрал я склонение солнца и уравнение времени, опять же случайно, мы нашли около 10 или 12 пунктов Шпицбергена с обозначением

их широты и долготы. Эти пункты и были нанесены мною на приготовленную соответствующую сетку. Что из себя изображал каждый из этих пунктов, был ли он островом, мысом, горой или губой, этого мы не знали и это должно было показать будущее. Пока же все они были нанесены на сетку крестиками и наша фантазия могла соединять эти пункты совершенно произвольными линиями.

Кроме указанных сведений о Земле Франца-Иосифа мы еще знали, что Британским каналом лет четырнадцать тому назад прошло судно герцога Абрэццкого

«Стелла Поларе», а в 1912 году лейтенант Седов предполагал высадиться на каком-то из этих островов, после чего судно должно было вернуться в Архангельск, а он отправится к полюсу

Накануне нашего выступления в поход Егорий Львович позвал меня к себе и прочитал мне черновик составленного им предписания мне. Вот это предписание, сохранившееся у меня и по сей час.

«10 апреля 1914 года

Штурману Вал. Ив. Альбанову.

Предлагаю Вам и всем нижепоименованным, согласно Вашего и их желания покинуть судно, с целью достижения обитаемой земли, сделать это 11-го сего апреля, следуя пешком по льду, везя за собой нарты с каяками и провизией, взяв таковой с расчетом на два месяца. Покинув судно, следовать на юг до тех пор, пока не увидите земли. Увидев же землю, действовать сообразно с обстоятельствами, но предпочтительно стараться достигнуть Британского канала, между островами Земли Франца-Иосифа, следовать им, как наиболее известным, к мысу «Флора», где, я предполагаю, можно найти провизию и постройки. Далее, если время и обстоятельства позволят, направиться к Шпицбергену, не удаляясь из виду берегов Земли Франца-Иосифа. Достигнув Шпицбергена, представится Вам чрезвычайно трудная задача найти там людей, о месте пребывания которых мы не знаем, но надеюсь на южной части его – это Вам удастся, если не живущих на берегу, то застать где-нибудь промысловое судно. С Вами пойдут, согласно их желания, следующие тринадцать человек из команды – старший рулевой Петр Максимов, матросы Александр Конрад, Евгений Шпаковский, Ольгерд Нильсен, Иван Луняев, Иван Пономарев, Прохор Баев, Александр Шахнин, Павел Смиренников, Гавриил Анисимов, Александр Архире-

ев, машинист Владимир Губанов, кочегар Максим Шабатура (в первые же дни похода состав уходящих изменился: вместо Г. Анисимова пошел стюарт Ян Регальд, а И. Пономарев, А. Шахнин, М. Шабатура, испугавшись трудностей лагерной жизни, вернулись на судно. Из ушедших профессиональными моряками, кроме Альбанова, были П. Максимов, бывший матрос военного флота, и О. Нильсен, служивший на «Св. Анне» еще до покупки ее Брусиловым. До поступления на «Св. Айну» П. Баев был промысловиком в Архангельской губернии, А. Конрад – печником, А. Архиреев – плотником в Вологде. Остальные характеризовались в предисловии к первому изданию книги Альбанова как «не моряки и не промышленники»).

Капитан судна «Св. Анна»

Лейтенант Брусилов.

Место
судовой
печати.

10 апреля 1914 г., в Северном Ледовитом океане
(=82°55' N-ая, =60°45' O-ая)

Вот тот официальный документ, на основании которого я должен был выступить во главе части команды шхуны «Св. Анна».

В этот же день всем нам был произведен подсчет заработанным деньгам, которые нам должен был уплатить действительный владелец судна, давший деньги на экспедицию, московский землевладелец генерал-лейтенант Б. А. Брусилов. В правильности подсчета мы все расписались.

Уже поздно вечером Георгий Львович в третий раз позвал меня к себе в каюту и прочитал список предметов, которые мы брали с собой и которые, по возможности, мы должны были вернуть ему. Вот этот список, помещенный на копии Судовой роли:

2 винтовки Ремингтон, 1 винтовка норвежская, 1 двухствольное дробовое ружье центрального боя, 2 магазинки шестизарядные, 1 механический лаг из которого был сделан одометр 2 гарпуна, 2 топора, 1 пила, 2 компаса, 14 пар лыж, 1 малица 1-го сорта, 12 малиц 2-го сорта, 1 совик, 1 хронометр, 1 секстан, 14 заспинных сумок, 1 бинокль малого размера.

Георгий Львович спросил меня, не забыл ли он что-нибудь записать. По правде сказать, при чтении этого списка я уже начал чувствовать знакомое мне раздражение, и спазмы стали подступать к моему горлу. Меня удивила эта мелочность. Георгий Львович словно

забыл, какой путь ожидает нас. Как будто у трапа судна будут стоять лошади, которые и отвезут рассчитавшуюся команду на ближайшую железнодорожную станцию или пристань. Неужели он забыл, что мы идем в тяжелый путь, по дрейфующему льду неведомой земли, при условиях худших, чем когда-либо кто-нибудь шел? Неужели в последний вечер у него не нашлось никакой заботы поважнее, чем забота о заспанных сумках, топорах, поломанном лаге, пиле и гарпунах? Мне казалось тогда, что другие заботы сделали его в последний день несколько вдумчивее, серьезнее...

Я сдержал себя и напомнил Ёргию Львовичу, что он забыл записать палатку, каяки, нарты, кружку чашки и ведро оцинкованное. Палатка была записана сейчас же, а посуду было решено не записывать. «Про каяки и нарты я тоже не пишу – сказал он, – по всей вероятности, они к концу пути будут сильно поломаны, да и доставка их со Шпицбергена будет стоить дороже, чем они сами [стоили] в то время. Но если бы Вам удалось доставить их в Александровск (Александровск на Мурмане – ныне город Полярный), то сдайте их на хранение исправнику». Я согласился с ним.

Сильно возбужденный, ушел я от командира вниз.

По дороге остановил меня Денисов вопросом, где я буду вскрывать почту: в России или в Норвегии? Это было для меня последней каплей, и я уже не выдержал: наговорил ему целую кучу дерзостей и посулил за первыми ропками побросать в полынью и почту и сумки, и пилу и чашки с кружками, так как далеко не уверен, доберусь ли я до почтового поезда в России или в Норвегии. Денисов удивленно вытаращил на меня глаза и грустный ушел к себе. Мне стало стыдно за свою вспышку. Денисов спрашивал меня потому, чтобы знать, как писать адрес на письме жене своей в Норвегию, но он попал в неудачную минуту. Денисова я любил более других. Он всегда со мною был такой предупредительный, так всегда охотно помогал мне, без всякой даже просьбы с моей стороны, так старательно и горячо принимал участие в моих сборах. За что я обидел его? Я послал попросить его вниз и извинился перед ним, объяснив причину моей вспышки, растолковал ему, что не знаю сейчас, куда удастся нам попасть: в Россию или в Норвегию. Но обещал ему, что во всяком случае, куда бы я ни попал, постараюсь, чтобы почта вся дошла до своего назначения.

Денисов ушел примиренный.

Сумерки уже сгустились в темном помещении. Все укладывались спать. Фрустно, тоскливо сделалось мне. Как будто я уже очутился среди безграничных полярных полей, без возврата назад и с неизвестностью впереди. В тот памятный для меня мрачный вечер, накануне моего ухода с судна, я уже с тревогой перебирал в уме своих спутников. Я сомневался и тогда в их здоровье и выносливости. Одному из них уже было 56 лет, все почти жаловались на ноги, а у одного даже открылись на них раны, у другого была грыжа, у третьего болела сильно грудь и кашель не давал ему спать всю зиму
